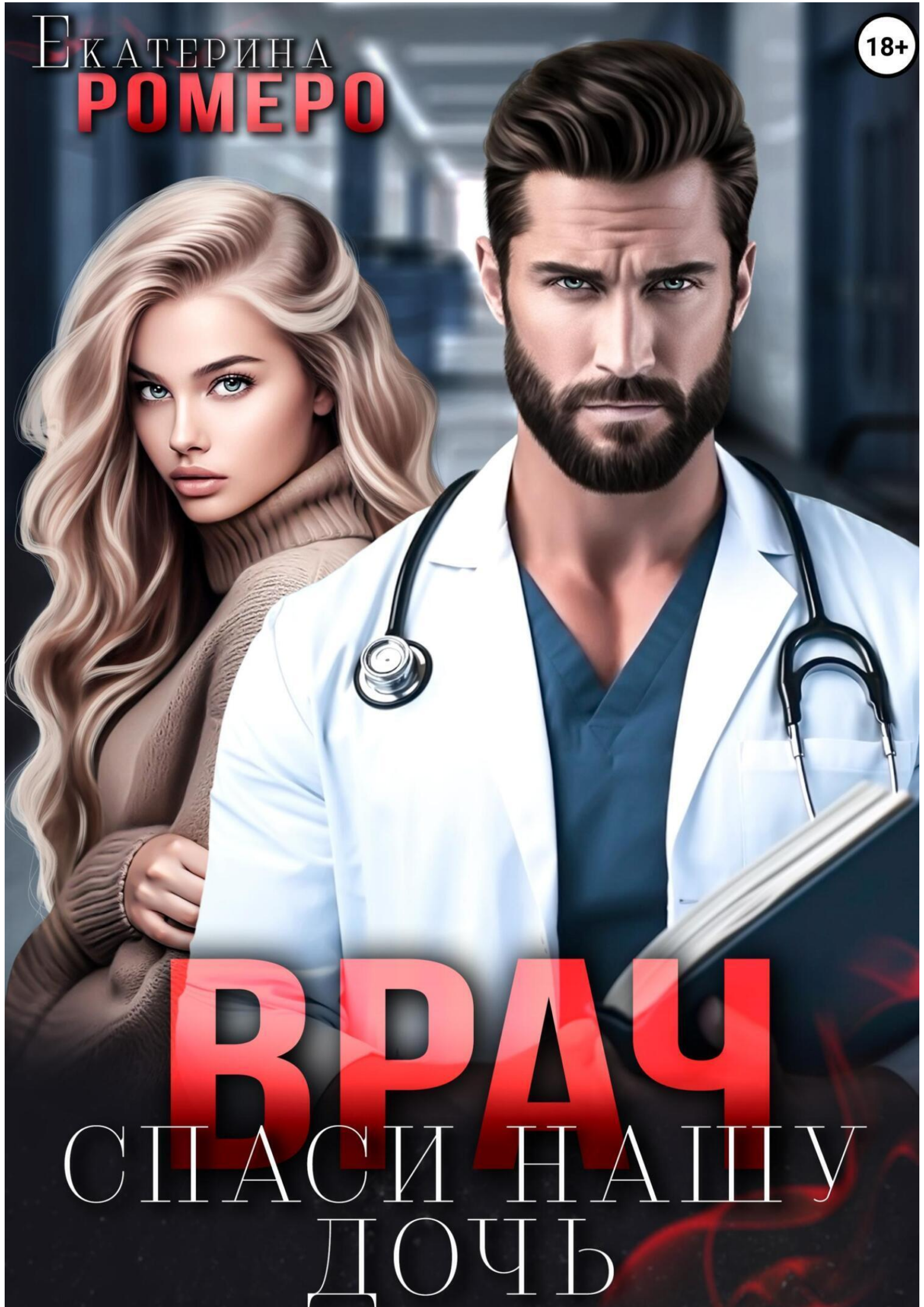

ЕКАТЕРИНА
РОМЕРО

18+

ВРАЧ
СПАСИ НАШУ
ДОЧЬ

Екатерина Ромеро

Врач. Спаси нашу дочь

«Автор»

2024

Ромеро Е.

Врач. Спаси нашу дочь / Е. Ромеро — «Автор», 2024

— Делай со мной что хочешь, но дочери помоги! Да, я буду себя проклипать за это, я упала ниже плинтуса, да вот только жизнь дочери мне дороже гордости. — Какая послушная гулящая жена. Раздевайся.— Ты сошел с ума? Здесь? Сейчас?!— Встань на колени. Я хочу увидеть, как ты меня умоляешь. Когда-то он выгнал меня на улицу без гроша в кармане, а теперь я стою под кабинетом его клиники с ребенком, ожидая приема. Я бы не обратилась к бывшему мужу, но он единственный, кто может спасти нашу маленькую дочь, о которой не знает. #Откровенные сцены #Бывшие муж и жена #От ненависти до любви ЧЕРНОВИК!

© Ромеро Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	26
Глава 10	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Екатерина Ромеро

Врач. Спаси нашу дочь

Глава 1

– Ма-ам, какой он, ну какой, скажи?

– Сашуль, я не помню.

Прикусываю губы, чтобы не ляпнуть дочери лишнего и поправляю ее темные волосики, выбившиеся из косичек.

– Нет, помнишь! Я знаю, что мой папа очень красивый. Да? Ну скажи, мам!

– Да, красивый.

В памяти мелькают пронзительные темно-синие глаза цвета океана и улыбка, от которой коленки подгибались, но тут же отгоняю от себя эти мысли. Забыла, выжгла и больше нет.

– Мне уже намного лучше, пошли домой!

Доченька подходит ко мне вплотную и присев рядом кладет мне голову на колени, тогда как я с силой сжимаю направление к врачу, стараясь утихомирить волнение.

Ничего страшного, ведь так? Да, конечно же, Саша меня просто напугала, такое бывает и это чистая случайность.

– Маленькая моя, доктор просто послушает твое сердечко и сразу пойдем. Очень быстро.

Смотрю в темно-синие глазки малышки и выдавливаю улыбку, не хочу чтобы Саша волновалась, это ни к чему.

Огромная новая клиника, кардиологический центр и тут все до тошноты чисто. Нас примет “Романов А.К.” и хоть я в глаза его не видела, участковый педиатр порекомендовала прийти именно к нему.

– Вы Салиева? Входите, доктор ждет.

Зовет секретарша этого врача и я подрываюсь, беря Сашульку за руку. Никогда не любила больницы, у меня от них кружиться голова и особенно от мужчин в белых халатах. Если посттравматический синдром и существует, то я взяла с него все.

– Идем, родная.

Подхожу к двери и стучу пару раз, открывая ее и пропуская дочку вперед.

– Можно?

– Да.

Басит грубый мужской голос и я вижу высокого мужчину, стоящего у окна. Синий костюм и белоснежный халат сверху, подчеркивающий крепкую спину и широкие плечи врача.

– Входи, Саш, здравствуйте...

Закрываю дверь, делаю шаг вперед и как раз в тот момент доктор оборачивается, а я в шоке застываю от увиденного.

– Ты...

За секунду все тело обдает лавиной жара и я сильнее сжимаю руку Саша.

Ощущение такое, что меня поймали на преступлении и бежать некуда, ноги деревенеют, безумно колотится сердце.

Олег. Мой когда-то и теперь абсолютно чужой мужчина. Пять лет я не видела его и не видела бы еще сто.

Скольжу взглядом по Холодову. Фамилия идеально отражает суть этого мужчины, который когда-то поломал мне жизнь.

Очень высокий и крепкий, статный, серьезный.

Айсберг и то будет теплее его.

Чуткие губы, пристальный взгляд синих глаз, нос с едва заметной горбинкой, модная мужская стрижка густых, переливающихся на свету темных волос. Единственное, что изменилось с нашей последней встречи – борода. Раньше он был гладко выбрит, а теперь носит бороду явно после руки мастера.

В голове стучит “беги, Яна”, но так и продолжаю стоять на месте. Я просто не ожидала, не готовилась и теперь не знаю, как себя вести, потому что с Сашей и теперь я мама, а не простая студентка без роду и племени.

Кажется, будто воздух сгущается и мы так и стоим друг напротив друга несколько секунд.

Холодов первым приходит в себя, я вижу на его лице неприкрытое раздражение. Поджимает губы, едва заметно его брови поднимаются, длинные черные ресницы отдают тени и в каждом миллиметре презрение. Ко мне.

Ну конечно, какая еще реакция должна быть у моего бывшего мужа на ту, которую когда-то он выгнал взащей из дома? Я ведь его предала. Так он думает.

– Адресом ошиблась?

Жар мгновенно приливает к щекам, его цепкий взгляд буквально скользит по мне, словно раздевает, а у меня почему-то слезы подкатывают, вот только я больше не та девочка девятнадцатилетняя. Прошли годы, я должна быть сильнее, должна.

– Мы к Романову. Не к тебе. Ты подменяешь в его клинике?

– Это он меня подменял в моей клинике. Паршиво выглядишь, кстати, муж не одевает?

Садиться в черное кожаное кресло за большой стол, деловито складывает сильные руки в замок. Я замечаю на его правой руке золотое кольцо. Не наше. Наше, наверное, он тогда сжег.

Женат, конечно же Олег женат.

В груди больно колет. Холодов одет с иголочки, пусть даже это и медицинский костюм. На одной руке красуются дорогие часы, на второй драгоценный браслет.

Просторный кабинет с видом на центр города, а я... ну я просто одета и Саша моя тоже. Мы не живем на широкую ногу, большую часть зарплаты отбирает съемное жилье, а то что остается уходит на продукты.

– Не твое дело.

Кое-как защищаюсь, но чувствую стыд. На мне простая юбка до колена из шерсти и бежевый свитер под горло, простые кеды. Светлые волосы стянуты в высокий хвост, на лице ни грамма косметики... Не крашусь я уже давно, не для кого.

Я в свои двадцать четыре не чувствую себя молодой женщиной. По мне как будто каток проехал и все эти годы я просто выживала с ребенком, чего не скажешь о нем. Цветет и пахнет. Я улавливаю его явно дорогой парфюм еще с порога.

Холеный и ухоженный, красивый до безумия, Олег Евгеньевич явно не голодал все эти годы.

– Ма-ам, домой...

Просит дочь и дергает меня за край свитера. Холодов опускает на нее взгляд, слегка прищуриваясь.

– Твоя?

– Моя. Александра.

– Быстро же ты. Недолго страдала.

– Впрочем как и ты.

Задираю выше подбородок, ни в жизни ему не скажу, какого мне было тогда, я ведь едва выжила, но кому теперь это нужно.

– Ну да, шлюх... гм, прокашливается, обращая внимание на мою маленькую Сашу и мгновенно меняет тему, делая голос поистине стальным, профессиональным. – С чем пришла? У меня не бесконечный прием.

– Мы не нуждаемся в твоём приеме. Пошли, Саш.

Резко разворачиваюсь, но как раз в этот момент дочка сильнее схватывается за мою руку и прикладывает ладонь к груди.

– Что такое? Тебе плохо? Снова сердечко стучит?

Холодов поднимается с кресла и подходит к нам, я же машинально заступаюсь за дочь.

– Что ты делаешь? Не тронь!

– У нее аритмия, ты что не видишь? Посади ребенка.

Чеканит строго, зачем-то взяв Сашу за запястье и посматривая на часы. Он ее пульс считает, Яна, успокойся.

Олег же врач, кардиолог, детский кардиохирург.

Мы с Сашей забираемся на кушетку. Холодов подходит и я невольно сжимаюсь. Он как-то изменился за эти годы. Сильно. Возмужал.

– Жалобы какие у ребенка?

– Саша неделю назад потеряла сознание в садике. Все. Больше ничего нет. Я не знаю, педиатр просто посоветовала обратиться сюда на всякий случай.

Бубню, потом что не хочу я с ним говорить, мне физически больно находиться рядом с Олегом, его запах врзается в память, а я не хочу его вспоминать, я была уверена, что никогда в жизни его больше не увижу.

– Давай послушаю тебя.

Надев перчатки и доставая стетоскоп басит Олег, тогда как дочь буквально впивается в меня руками, отодвигаясь от мужчины как можно дальше.

– Нет! Не трогай! Ма-ам!

– Чего это она у тебя такая дикая?

Вся в папашу, думается мне, но я молчу.

– Она нормальная! Просто не любит чужаков.

На последнем слове делаю акцент, хочу чтобы ему было больно, вот только кого я обманываю? Больно было всегда только мне.

– Саш, позволь дяде доктору послушать твое сердечко.

– Быстрее. У меня нет времени.

Показушно поглядывая на часы строго басит этот ублюдок, тогда как я уже сто раз пожалела, что вообще сюда пришла, да еще и с Сашей.

– Малышка, это не больно. Помнишь, тебя слушала тетя педиатр? Это тоже самое.

Наверное, если бы я не знала успехи Холодова в кардиологии я бы в жизни не позволила ему осматривать дочь, вот только он профессионал. Хоть к чему-то у него лежит душа.

Застываю, когда Олег начинает слушать Сашу и все бы ничего, да вот только они похожи и я не хочу, чтобы бывший это заметил.

– Сделай вдох, Александра. Еще раз.

Саша держит меня за руку, тогда как Холодов внимательно слушает ее. Становится очень тихо, я отчетливо слышу свое безумное сердце и хорошо, что Олег не слушает сейчас меня, ведь там какая-то чечетка у меня внутри.

– Еще раз, малыш. Сделай глубокий вдох и медленно выдохни.

Его взгляд сосредоточенный и серьезный, а после Олег быстро снимает стетоскоп, поджимая губы.

– Ясно.

– Что там? Все нормально?

Олег садится за стол, тогда как я быстренько поправляю майку и кофту Саши. Она уже не выглядит такой бледной как минуту назад, словно и не было той чертовой аритмии.

– Анализы ваши где? Исследования есть?

– Нету.

– Я рекомендую госпитализацию ребенка для детальной диагностики.

Сцепляю зубы. Ну конечно, Олег это специально делает чтобы я волновалась.

– Зачем? Педиатр нам сказала, что у деток такого возраста иногда бывает подобное. Мы просто для профилактики пришли. Так все, Саш, идем.

Беру дочь за руку, намереваясь сбежать отсюда подальше, но низкий бас бывшего заставляет остановиться.

– У твоего ребенка сильные перебои в сердце. Ее обследовать надо. Лучшего оборудования чем здесь ты не найдешь, но решать тебе. Ты же у нас мать.

А ты отец, хочется сказать в ответ, но я вовремя прикусываю язык.

Когда-то я слово себе дала, что этот мужчина никогда не узнает о том, что когда он выгнал меня из нашего дома, я уже носила под сердцем его дитя.

Добро пожаловать в мою новинку! Пристегивайте ремни, будет извилисто и жарко. Прошу поддержать книгу лайком и добавить в библиотеку чтобы не потерять.

Черновик! Книга пишется в процессе.

Глава 2

Нас кладут на обследование уже на следующий день. Палата с хорошим ремонтом на четыре кровати. Детское отделение, новый ремонт, стены разрисованы, потому Саша спокойно это воспринимает, тем более что я представляю ей это ей как небольшое путешествие.

Не хочу ее пугать, ей всего четыре с половиной и она еще маленькая чтобы переживать, что с ней что-то не так.

– А есть другой врач? Кто-то кроме Холодова?

– Ты что глупая, Олег Евгеньевич у нас главный врач, да и клиника эта его! Он лучший, тут все мамочки молятся на него и если он взялся за пациента, это дорогого стоит, поверь.

Все в один голос нахваливают Холодова, тогда как я мысленно подсчитываю, сколько дней работы пропущу, пока будет идти обследование Саши.

Уже отпросилась на неделю, естественно, зарплату урежут и да, я не стала никакой актрисой. Когда Саша появилась на свет мне пришлось похоронить свои мечты и бросить учебу. Саму беременность я едва доносила, стараясь заработать хоть каких-то денег на жизнь.

– Мамочка, смотри какие тут зайчики!

Саша увлеченно рассматривает новые места тогда как я смотрю на список обследований, которые нам вчера прописал Холодов. Нацарапал точнее, потому что его размашистый врачебный почерк разобрать можно с трудом.

– Да, красивые.

Отвечаю Саше и мельком вижу Холодова в коридоре отделения. Большой быстрый шаг, идет уверенно, держа какую-то папку в руке, а за ним медсестра точно собачонка бежит, едва поспевает.

Что-то колет внутри. Почему я вообще смотрю на него? Не я ли себе клялась и божилась, что нет для меня больше этого мужчины? Да и не муж он мне уже никакой.

Я развод тогда за три дня получила, даже согласия никто не спрашивал. Поигрался и выставил за дверь, а теперь Олег чужой муж, так что нечего смотреть на него Яна, насмотрелась уже когда-то, до сих пор отойти не могу.

– А кто у вас врач?

Спрашивает одна из мамочек. Всего тут четверо деток, включая мою Сашу.

– Холодов Олег Евгеньевич.

– Ого, повезло! По знакомству что ли?

– Нет и не лечит он нас, мы просто проходим обследование. А у вас кто доктор?

– Зарецкий. Хуже конечно, но тоже ничего.

Мамочки усмеваются и я вижу, что не только профессиональные качества врачей их интересуют. Они обсуждают их как мужчин, стопроцентно.

Удивляет ли это меня? Нет скорее, я знаю, что еще тогда у Олега была целая туча пациентов, которые могли звонить ему даже в нерабочее время, по всем праздникам и по выходным. Не зря говорят, что врач – это круглосуточная профессия без отгулов.

– А у вас кто лечащий?

– Степанова, стерва... – тише добавляет. – Деньги ей только подавай, да побольше, а внимания ноль!

Тихонько отвечает одна из мамочек, закатывая глаза и я вспоминаю, что забыла заплатить Олегу за прием!

Боже, точно, я вчера была так ошарашена, что не то что не оплатила, я просто выбежала из его кабинета, его секретарша еще что-то бубнела, но я схватила Сашу и ушла на выход.

Доля стыда пробирает до костей, я достаю кошелек из сумки и прикусываю губу. Не густо, конечно, но за прием я оплачу.

– Саш, посиди здесь пожалуйста, ладно? Мама скоро придет.

– Ага.

Кивает моя малышка и я на секунду улавливаю бешеное сходство Саши с Холодовым. Она когда голову поворачивает и улыбается, у них глаза один в один.

Как я плакала, когда впервые это заметила, мне не хотелось чтобы дочь была похожа на бывшего мужа, но потом я полюбила ее, она моя, моя родная, а он... пусть живет как хочет, но без нас.

Я иду в приемную, где вчера Холодов смотрел Сашу. Неизменная секретарша как цербер преграждает мне путь.

– Куда?! К Олегу Евгеньевичу только по записи!

– Я на минуточку.

– Нет, вы что? Он занят, нельзя его беспокоить!

Секретарша охраняет его получше овчарки, думается мне, но я все же коротко киваю.

– Я забыла прием вчера оплатить. Извините...

Достаю кошелек, секретарша заметно успокаивается и в этот момент я слышу пиццание, а затем низкий голос:

– Настюш, что там за шум?

– Тут... как вас, напомним?

– Салиева.

– Салиева забыла оплатить прием! Мы сами разберемся, Олег Евгеньевич, извините за беспокойство.

– Пусть зайдет.

И отключился.

– Я не...

Я правда "не". Не хочу его ни видеть ни слышать и надеюсь, что сразу после обследований он отпустит нас с Сашей домой.

– Идите, раз вас Олег Евгеньевич сам позвал! У него пять минут до операции.

Эта Настюша меня уже бесит и я не знаю, почему. То ли потому, что к ней так ласково обращается мой бывший, то ли потому, что она смотрит на него также, как и я когда-то смотрела.

Как на господ бога. С вожделением и трепетом, как собачка в рот заглядывая, вот только Настюша эта не знает, что песик бешеный и в любую секунду может оттяпать руку до локтя.

Дважды постучать в дверь, чтобы снова увидеть его. Того, кто когда-то шептал слова любви на ухо, а теперь смотрит как на грязь.

– Соскучилась?

– Ты слишком сильно себя любишь.

– Анализы сдали?

– Еще не все.

– Почему ты одна этим занимаешься, где отец твоей дочери, Яна?

– А где твоя жена, Олег?

Диалог напоминает игру в пинг-понг. Холодно, я вижу эту сталь в его темных глазах. Даже с персоналом теплее обращается, чем со мной.

Нервно достаю кошелек и выкладываю несколько купюр прямо ему на стол.

– Это что такое?

Бросает мимолетный взгляд на деньги.

– Я забыла вчера оплатить твой прием. Вот.

Сглатываю, почему-то чувствую себя не в своей тарелке, хотя так оно и есть.

Холодов изменился и он теперь не мой муж, чужой мужчина и другую женщину он сегодня утром целовал.

– Здесь не хватает. Мой прием стоит дороже.

От его слов обдает холодом и я ошалело тянусь к кошельку чтобы открыть его и увидеть, что у меня нет больше денег.

Неловко и стыдно, как-то отвратительно просто, когда не хватает. Когда у тебя выбор, купить фруктов или новые колготки дочери.

Глава 3

Она почти не изменилась. Все тот же взгляд ярких голубых глаз, светлые волосы с рыжинкой и россыпь веснушек на носу и щеках.

Моя бывшая любимая, моя нынешняя предательница, изменница и та, которая когда-то воткнула нож в самое сердце.

Яна была самой чистой для меня и любила, точнее, мне мне казалось что любила, но я ошибся. Я взял замуж змею, которая укусила так больно, что я тогда едва не сдох.

Первый год как зомби ходил, думал сердце станет, но нет, выжил как-то, выкарабкался и похоронил ее мысленно с ее же любовником.

Мать была права. Конечно же такая как Яна только на публику играет и она мне изменила.

Я выжег ее из памяти, выбросил и просто забыл, хотя забыть такую непросто, а потом она пришла. Сама ко мне в кабинет, да еще и отпрыска приволокла, точнее, девочку.

Хрупкую и темноволосую с россыпью веснушек и большими темными глазами.

Это ведь могла быть моя дочь, проскользнуло в голове, но я быстро присек эту идею. У меня не может быть детей, а Яна гуляла еще в браке, так какого дьявола я тут осматриваю ее ребенка? Какого черта я должен ей помогать?!

Не должен, не обязан и запросто могу выкинуть их обеих за пределы своей клиники, да вот только я в отличие от нее клятву давал лечить и помогать людям и ребенок этот... его обследовать надо.

Салиева почти не смотрела на меня, так только мельком, но мне хватило минуты чтобы оценить ее состояние.

Старые кеды, поношенные вещи, сама какая-то дерганая, неужто любимый не радует. Продиагностирую ее дочь и пусть катятся на все четыре стороны. Пять лет этой твари не было в моей жизни, пять чертовых лет!

Думал забыл уже, отболело, вылечилось, но нет.

Яна как опухоль раковая в сердце мне засела, так сильно, что хоть оперируй самого себя.

Про мужа вспомнил, так она аж дернулась, сука чертовая, как же я ее ненавижу!

Чего ко мне приперлась, а не к мужу, пусть проваливается, шлюха, да вот только смолчал при ребенке.

Девочка смотрела на меня настороженно, точно дикий зверек, но стук ее сердца мне понравился и я тогда я наступил себе на горло вспомнив, что я все же врач.

– Сейчас...

– Не надо. Успокойся.

Ошалело ищу деньги, но понимаю что у меня их попросту нет.

– Нет, все нормально. Я найду...

– Мужу позвони. Пусть добавит или кто там у тебя.

Больно, словно ножом по сердцу резанул.

Мужу. Ты же сам мой муж! Хоть и бывший.

– Позвоню, даже не сомневайся.

– На. Набирай. У тебя ведь и телефона нормального нет, не так ли, актриса?

Протягивает мне какой-то крутой мобильный телефон явно последней модели, а мне так паршиво становится. Поднимаю глаза на него и понимаю, что Холодов просто с меня стебется.

На его лице играет презрительная ухмылка. Смешно ему, видите ли. Сволочь.

– У меня есть телефон! Отойди от меня!

Олег слишком близко, я делаю шаг назад, но в то же момент оказываюсь вжата в дверь спиной. Точно хищник Холодов хватает меня за предплечье, до боли сжимая руку:

– Почему ты пришла, скажи мне!

– Я же сказала, не хочу быть тебе должной! Пусти!

– Посмотри на себя, ходишь в обносках, разве это того стоило, стоило?! Вот она твоя вечная любовь?

Рычит на меня зверем, а я пугаюсь, но обида сильнее.

Вырываюсь, он отпускает, а я быстро вытираю слезы. Тяжело дышу, но не покажу ему, какого мне, каково мне было все эти годы!

– Пусти, больно!

С силой отталкиваю мужчину от себя, поправляю свитер, задыхаясь в высоком воротнике.

От прикосновения к Олегу проходит какой-то разряд тока, невольно запах его улавливаю и кружится голова.

Боже. Если есть стопроцентный дурманящий мужской парфюм, то это он.

– А твоя любовь вечная?

Киваю на его блестящее обручальное кольцо. Олег сжимает руки в кулаки.

– Кто отец твоей дочери?

– Ты не отвечаешь и я не собираюсь. Выпусти меня!

Дергаю за ручку двери, но Холодов с силой захлопывает ее прямо перед моим носом.

– Скажи мне. Кто. Ее. Отец? Кого я должен пристрелить?

– У Сашки нет отца.

– А как же она появилась, ветром надуло?

– Да, представь себе, надуло!

– Когда ты залетела, мы еще женаты были! Чего тебе не хватало, как ты могла разрушить все, как?!

– Я ничего не разрушала, Олег. Это ты все поломал.

Шепчу сквозь слезы, Холодов с силой сметает со стола мои деньги вместе с какими-то папками, а после пищит передатчик и я слышу голос Настеньки:

– Олег Евгеньевич, у вас операция. Вас ждут.

– Иду!

Басит Холодов, поправляет халат и распахивает дверь.

– Передай нас другому врачу... Ребенок ни в чем не виноват.

– Я не передаю своих пациентов. Анализы завтра ко мне на стол, Савельева!

– Хорошо, Олег Евгеньевич.

Отвечаю тихо видя как на нас во все глаза смотрит Настюша. Я вся в слезах, а Олег молнии в меня бросает.

Мне страшно даже представить как с таким настроением он будет обследовать мою маленькую Сашу. Она ни в чем не виновата, она просто ребенок, но похоже, бывшему совершенно на это плевать.

Глава 4

– Саша, еще хотя бы ложечку, пожалуйста!

– Нет! Я не буду!

Сцепляю зубы, в такие моменты я ясно вижу в ней характер Холодова, как его зеркальное отражение. Упрямая и своевольная, порой кажется, что Саша сильнее меня.

Держу в руках тарелку больничного супа. Саша сидит у стены, закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди.

– Обход идет! Все по палатам, живо!

Гремит кто-то в коридоре и все стихают. На часах девять утра, пытаюсь Сашульку накормить и тут дверь палаты распаивается, к нам входит целая делегация врачей во главе с Холодовым.

Саша настораживается, подлезает ко мне, я приобнимаю ее, стараясь не глазеть на бывшего и как назло он подходит к нам в первую очередь. Залетает прямо в палату как властелин мира, широко шагая, а за ним еще целая бригада медиков.

– Александра Салиева, четыре с половиной года, аритмия, шумы в сердце. Обследования прошли?

Ой, это мне, я почему-то засмотрелась на Олега, на его синие глаза, в которых когда-то тонула без спасательного круга.

– Еще нет, Олег Евгеньевич.

Бубню и отворачиваюсь, мне прямо больно, когда он рядом.

– Как тебе в палате, Александра? Нравится?

Спрашивает какой-то другой врач, обращаясь к моей малышке, а она голодная и недовольная еще с утра только сильнее надувает губы.

– Нет! Не нравится!

Выпаливает, а мне стыдно почему-то становиться. Все же нас взяли на диагностику без всяких очередей.

– Ух, какой ежик!

Улыбаются врачи, а я кажется, краснею до самых кончиков волос. Обычно Саша тихая, а тут наверное перенервничала с этой больницей.

– Извините. Она сегодня не в духе. Все хорошо, все нравится.

Пытаюсь выдавить из себя улыбку, Холодов недовольно поджимает губы и они идут к другому пациенту. Мне же хочется взять что-то потяжелее и хорошенько так долбануть бывшего мужа. Вот как я соскучилась по нему, невероятно просто!

Следующие пол дня я хожу с Сашей по кабинетам, ей делают УЗИ сердца и еще множество каких-то исследований, потому у меня собирается огромная куча бумаг. На следующее утро нам надо сдать анализы крови и вот тут начинается ад, потому что моя Саша боится всего этого и буквально не дает к себе подступиться.

– Ма-ма! Мама, я не хочу!

– Потерпи, малыш. Ну пожалуйста... Чуть-чуть надо взять твоей крови.

– Нет! Я не дам и чуть-чуть! Не хочу я!

Все бы ничего, Саша в какой-то момент успокаивается, да вот только нам попадается такая медсестра в манипуляционном кабинете, которая не может взять кровь.

Буквально не способна попасть ребенку в вену. Пробует уже пятый раз, тыкает этой чертовой иглой Саше в ручку словно это подушечка для иглолок, пыхтит и чертыхается.

– Ну позовите другую медсестру, не надо мучить ребенка!

– Учить меня только не надо! Я профессионал!

– Мама!

– Чш... все хорошо, малыш.

Я теряюсь не знаю, что мне делать. Там этих анализов целый список, словно специально Холодов столько написал, чтобы вымучить нас обеих.

– А-а-а-ай!

Очередная попытка и я с ужасом вижу как у Саши уже огромных размеров синяк проступает на руке и моя девочка взрывается криком.

– БО-О-ЛЬНО!

Саша начинает плакать и я не выдерживаю, беру ее на руки, отхожу от этой ведьмы в белом халате и как раз в этот момент распахнется дверь. Холодов собственной персоной в явно отутюженном белоснежном халате на распахку. Под ним синий медицинский костюм, белые больничные мокасины. Волосы назад уложены, как всегда дьявольски неотразим.

– Что здесь происходит?

– Ой, Олег Евгеньевич, тут это, кровь набираю.

Одна секунда и эта сука-медсестра враз становится по стойке смирно, кажется, что у нее даже лицо вытягивается как у лисы.

– В смысле набираю? У меня на столе уже результаты должны лежать, Светлана!

От серьезного голоса мужчины мы все затихаем, Саша только всхлипывает и это не остается незамеченным.

Холодов подходит и бросает на Сашу тяжелый взгляд, поджимает губы, а после идет к умывальнику тщательно моет руки, надевает стерильные перчатки.

– Посади ее на стул. Света, пробирки. Живо.

Командует словно капитан корабля и на удивление, эта Света слушает его точно дрессированный пудель.

– Вот. Олег Евгеньевич, ребенок просто истеричный, не давал кровь нормально взять!

– Неправда! Это вы не могли набрать! Саша столько терпела.

– Мам, я боюсь! Не надо!

– Тихо! Александра, расскажи мне, что ты ела сегодня.

Олег быстро осматривает руки Саши, пока та поглядывает на него из-под лба, всхлипывая.

– Суп.

– Суп? С чем?

Спрашивает, а сам затягивает жгут и быстро набирает кровь. Одну, две, три пробирки с одного прокола.

– С рисом.

Отвечает спокойно моя Саша и даже не плачет, а после щелкает жгут, Олег накладывает пластырь на ее руку.

– Тут держи. Вот и все. Света, еще раз я такую халтуру увижу, вылетишь отсюда как пробка! Жду результаты у меня на столе завтра утром!

Пробасил и вылетел из манипуляционной, халат только сверкал как облако.

Медсестра виновато опустила голову, а я переглянулась с Сашей.

Она даже не заплакала, когда Олег у нее кровь набирал. Как такое возможно? Она даже не дернулась и не скривилась.

Все же он мастер, оперирует детей, пусть и у самого сердце ледяное.

Глава 5

Мы познакомились до невозможного банально, Холодов чуть не сбил меня на машине. Я была на втором курсе театрального, а он уже был молодым, но маститым врачом. Все было как в сказке, перебинтованное коленко и сладкий кофе в тот же вечер. Я влюбилась, Олег умел ухаживать, мне казалось, что умел любить.

Очень красивый перспективный врач с серьезной карьерой впереди, хотя тогда я об этом совсем не думала. Летала в своих розовых облаках, в животе трепыхались бабочки, в голове разливался туман, а в памяти откровенные поцелуи Холодова и откровенные ласки до утра взрослого мужчины.

Учеба быстро отошла на второй план, я приехала в большой город и жила в общежитии. Мамы рано не стало, а отец женился второй раз и хоть детей у него больше не было, в трехкомнатной квартире у отца не нашлось для меня места. Мы созванивались, но очень редко, я выросла без папы, потому любила его на расстоянии.

Мне нравилось жить в общежитии и учиться, но еще мне нравилось, что моя учеба находится в десяти минутах от госпиталя, где уже работал Олег.

В то время казалось, что все девочки на курсе мне завидуют. Потеряла ли я тогда голову от любви? Определенно, я летала в облаках и порхала как бабочка рядом с Олегом. Мне едва исполнилось девятнадцать, Холодов был на десять лет старше меня.

Первые два месяца мы просто ходили на свидания. Олег не спешил, мне казалось что присматривается ко мне и мне это нравилось. Он встречал меня и провожал на учебу, вечером забирал, хотя я и видела, каким уставшим он был.

Олег ухаживал за мной, дарил конфеты и шикарные цветы, подарки, но больше всего мне хотелось его внимания, которого вечно не хватало из-за его работы.

– Я так люблю тебя, так сильно...

Помню, как целовала его в шею, как замерзала ночью и он меня согревал. Как однажды с учебы Олег повел меня не в общежитие, а к себе домой. Это было немного неожиданно, но все же я позволила себе расслабиться и впервые в жизни окунуться в этот омут с головой, точнее, в синие омуты Холодова.

Любил ли он? Да, наверное любил, вот только любовь его, как оказалось, была хрупкой как папиросная бумага, а не вылитой из бетона, а я думала я.

Десять лет разницы. Кто-то скажет много, кто-то мало, но Олег всегда мне казался взрослым и опытным, наверное потому, что он врач. Холодов уже тогда оперировал, у него вечно была бешенная нагрузка вместе с параллельной учебой и пациентами.

Мне же доставались крошки его внимания, но честно, это были самые сладкие крошки, когда мы оставались наедине. Мы жили с Олегом в его холостяцкой берлоге, хотя берлогой эту просторную квартиру язык не поворачивался назвать, а потом он сделал предложение, просто достал два кольца и поставил перед фактом:

– Я хочу жениться на тебе, Яна. У меня серьезные намерения. Создадим семью. Ты не против?

На секунду у меня отобрало речь и я только хлопала на него ресницами. Это было неожиданно, но очень желанно. Олег был моим первым мужчиной, во всем и единственным.

– Да... да конечно не против!

А потом Олег познакомил меня со своей семьей. Я собиралась часа три, надела новую одежду и сделала скромную прическу, вот только уже на пороге огромного дома меня буквально “прощупали” глазами его родители и по совместительству известные профессора.

Я рано лишилась матери, поэтому надеялась в маме Олега найти какое-то ответное тепло, но его не было.

Елизавета Анатольевна не удосужилась пожать мне руку и бросила протянутый мною букет ромашек на полку для обуви. Вот так меня встретили, хоть Олег и пытался как-то сгладить углы:

– Извини, я просто один сын у них. Они беспокоятся.

– Я понимаю, ничего страшного.

Я понимала, а его родители нет. Тогда я не была зубастой, не умела защищать себя и отстаивать свои границы, хотя долго плакала потом после того вечера. Это было унижительно, ведь на меня смотрели его родственники как на какую-то грязь.

Это был день рождения его мамы, меня посадили на край стола как бедную родственницу, и хоть было множество гостей, Елизавета Анатольевна устроила допрос лично мне.

Кто такая и откуда, кто мои родители и сколько зарабатывают. Это были мелкие уколы, которые я отбивала, вот только я не думала, что мой род деятельности ее особо серьезно цепанет.

– Актриса... а разве это профессия? Боловство какое-то. Мы интеллигентная семья. Олег у нас превосходный врач, между прочим. Детей спасает, а ты милая, на что жить собираешься?

Елизавета Анатольевна говорила негромко и с легкой улыбкой на лице, упиваясь гордостью за сына и в тоже время почему-то толкая меня в грязь как какого-то щенка. До тошноты ухоженная, красивая женщина с обилием украшений, но мне от этого было не легче.

– Я буду работать. Я не боюсь трудиться.

Я ответила спокойно, хотя внутри стало неприятно, ведь меня тут осматривали точно лошадь на рынке.

Отец Олега был более приятным, но явно тоже голубых кровей.

Мне стало жарко и я почувствовала, как Олег взял меня за руку.

– Мама, прекрати. Яна талантливая девушка, у нее все впереди.

Он защитил меня тогда, я снова почувствовала что летаю и все хорошо, вот только пышной свадьбы не получилось.

Родители Олега тогда просто уперлись рогом, их единственному сыну было очень рано жениться, чем более на такой как я, однако скромная свадьба все же состоялась, а большего нам было не надо.

В какой-то момент мне даже показалось, что меня приняли в семью. Мы стали жить в доме родителей Олега после свадьбы, потому что у Елизаветы Анатольевны начало побаливать сердце и конечно, кто как не сын-кардиолог должен наблюдать ее в любую свободную минуту, а потом случилось это.

В один день я просто пришла домой с больницы и увидела две небольшие сумки на пороге со своими вещами.

Олег ждал меня. Я получила пощечину от него, мои вещи полетели за дверь, собственно, как и я. Мы прожили в браке полгода. Счастливо. В любви и уважении.

Я даже не поняла сначала что случилось, за что, Олег так кричал меня впервые, обвинял в измене и не в одной, а я испугалась.

Пришла в себя уже на улице, в кармане было немного денег, в сумке справка от врача, подтверждающая беременность.

Я переночевала на вокзале и утром вернулась чтобы снова поговорить с мужем, да вот только Холодов меня не слушал. Его телефон был выключен, а от его матери я узнала, что Олег уехал за границу на очередную практику.

У меня был срок четыре недели и я не знала что делать. Моя учеба, я еще не работала и конечно же у меня не было денег в зачатке, каких-то пару тысяч на черный день и все. Олег тогда много работал, а я была слишком беспечной студенткой чтобы работать самой, я была уверена в том, что пока я учусь он поддержит меня, я не смотрела в будущее.

Помню как тогда пошла к его маме и со слезами на глазах рассказала ей о том, что беременна от ее сына. Я стояла перед ней на коленях, клялась, что не изменяла Олегу. Она же взяла меня за руку и повела в больницу.

Я обрадовалась думая, что мы наконец-то нашли с ней общий язык, вот только Елизавета Анатольевна привела меня на аборт и всучила несколько купюр со словами:

– Я нагулянного отпрыска на шею вешать Олегу не буду! Еще раз тебя на пороге нашего дома увижу, я тебя удавлю, змея ты такая! Отравлю! Пошла вон, дрянь!

Выплюнула мне в лицо и ушла, а я опустилась на стал под кабинетом и зарыдала, обхватывая руками еще плоский живот.

Что с ними случилось и почему они меня так резко возненавидели я не знала. Какая измена, если я кроме Олега мужчин даже не знала, вот только это никого не волновало и моя жизнь раскололась на кровавые куски.

Мне надо было сделать аборт, я честно уже настроилась, вот только в последний момент сбежала. У меня ведь был родной отец в городе. Я позвонила ему, рассказала о том что случилось и попросила пожить с ним в квартире, пока я не встану на ноги, но папа прямо сказал, что его жена будет против, а он не хочет ее расстраивать и вообще, у него своя семья.

Папа выслал мне денег на аборт, которые я потратила на памперсы для Саши. Это была первая и единственная помощь от родного человека. Кажется, тогда я быстро повзрослела ведь поняла, что я осталась одна в огромном чужом для меня городе с растущей жизнью под сердцем.

Глава 6

Когда-то я мечтала выступать на сцене, читать диалоги и играть в театре, вот только уже на втором месяце беременности мне пришлось выбросить все свои мечты и устроиться уборщицей в один из магазинов. Мне нужны были деньги, хоть какое-то жилье, так как дома у меня больше не было.

Саша родилась доношенной, но беременность была тяжелой. Я работала практически все время, пока носила ее. Я не была готова к разводу, хотя наверное, к этому нельзя быть достаточно готовой. Вот ты счастливая молодая жена, а вот ты уже разведенка, выброшенная на улицу без гроша в кармане.

Мне было сложно, я была очень молода и растеряна. Меня спасла подруга с общежития, которая на время приютила, вот только ключевое тут “на время”. Как только смогла, я сняла крошечную комнату и там же обосновалась. Я работала почти всю беременность и теперь корю себя за это. А вдруг у Саши потому с сердцем проблемы? Не знаю, я так надеюсь что нет.

Мои роды прошли в обычной больнице, никаких привилегий и никто меня с цветами оттуда не встречал, а потом начался самый сложный этап, потому что я была одна, у меня не было образования, нормальных сбережений и хоть какого-то тыла.

Мне казалось тогда, что несчастнее меня нет никакого на целом свете, и только Сашенька спасала меня от хандры вытягивала из нее, не давая опускать руки.

Красивая, нежная, моя родная девочка. Я надеялась, что она будет похожей на меня, но от меня Саша взяла только веснушки. Остальное от Олега.

Саша родилась брюнеткой с темно-синими глазами как у Олега и характером таким же как у него. Сильная, она всегда была очень сильной и это было преимуществом, которое дал ей Олег.

Я вышла на работу когда Саше было два месяца. Взяла няней соседку старушку-пенсионерку, которая буквально за копейки согласилась мне помогать. Я, честно, не знаю, как выжила, как-то.

Моталась как белка, забыв об учебе и порой забывая о самой себе. Одна работа, вторая, третья. Навыков кроме актерства у меня не было, потому я бралась за любую работу, хоть никто особо не хотел меня брать с крошечным ребенком.

Очень помогала соседка, а Саша росла с каждым днем, становясь все больше похожей на Холодова.

Помню как однажды мне не хватило денег до конца месяца. Саша тогда разболелась, простуда долго не проходила, я все потратила на лекарства и мне не за что было купить еду на ужин.

Я расплакалась тогда от отчаяния, от ужаса того, что мне нечем прокормить собственное дитя. Дитя, у которого есть отец, бабушка и аж двое дедушек.

Я тогда надломила свою женскую гордость, взяла Сашу, уложила ее в коляску и пошла к Олегу в больницу. Знаю, это унижительно, но я тогда была в отчаянии, я просто не знала, что мне делать и меня ужасало то, что какие-то органы опеки узнают о моем положении и отберут шестимесячного ребенка.

Было сыро и мрачно. Я хотела еще раз поговорить с Олегом. Еще попытка, показать ему ребенка и я дождалась его. Он приехал на шикарной черной машине, но не один. Следом за ним из авто вышла высокая брюнетка. У обоих на пальце кольца блестят, Олег улыбался, а та женщина аж цвета рядом с ним. Красивая, холеная на высоченных каблуках. Они сладко целовались в губы, а меня затошнило.

Я развернула коляску и поехала домой. Помню, как тогда рыдала на коленях у соседки, а та гладила меня по голове и в итоге принесла золотые сережки, завернутые в белый платочек.

– Иди продай, купи малышке смесь, памперсы, себе поесть возьми. Ты же еще молодая, извела себя вся. Детка, нечем мне тебе больше помочь.

И я взяла, потому что у Саши тогда смесь кончилась, а у меня молока не было от нервов. Сгорело оно в первый же месяц, а смесь была дорогая. Я продала те золотые сережки, вытерла слезы, купила смесь и накормила ребенка.

То был единственный раз, когда я так испугалась и готова была ползать на коленях перед Холодовым, вымаливая у него хоть копейку для дочери. Потом уже прошло, я просто начала больше работать, научилась экономить, есть только домашнюю еду, перешивать старые вещи.

В девятнадцать Олег водил меня по ресторанам и театрам, а в двадцать я на ходу жевала жареные пирожки в перерывах между работой и плакать мне было уже некогда.

Саша быстро выросла, ей требовались то вещи, то игрушки новые, книжки и я старалась дать ей все. И только по ночам, оставаясь одна в холодной кровати меня охватывал дикий ужас своей беспомощности, который я прятала за маской счастья, ведь несчастный человек не нужен никому.

Все боятся больных и ущербных, пассивных и одиноких, потому как актриса, пусть даже без диплома я надела маску и приклеила ее к себе. Довольная и счастливая молодая мама, самодостаточная и конечно же, независимая. Я улыбалась себе в зеркало, рыдая внутри.

Потом я нашла более стабильную работу в магазине. Работала продавцом, стало проще и только ночами в подушку выла, вспоминая Олега.

Мой бывший муж быстро нашел мне замену, я же не смогла. Не знаю даже почему, не до свиданий было, да и после Олега все казались пустыми, безликими, таким далекими, хотя теперь и сам Холодов кажется чужим.

Зачем он помог сегодня Саше с этими анализами? Мог просто проигнорировать, заставить мое сердце снова болеть, ему ведь не привыкать, но он помог. Наверное, чтобы получить результаты и скорее избавиться от нас.

Утром сжимаю результаты анализов и стучась в кабинет к Холодову. Сама пыталась во всем этом разобраться, но я не знаю всех этих показателей. Вижу только, что больше половины там подчеркнуто как выходящие за пределы нормы. На УЗИ сердца целую страницу нам написали каких-то страшных слов.

– Можно?

– Да. Входи.

На часах восемь, Олег видно только пришел, натягивает халат на широкие плечи, садиться в кресло, отпивает явно только что сваренный для него парующий кофе.

Я же становлюсь напротив. Не знаю, куда деть глаза. У него кабинет больше моей комнаты, которую я снимаю с Сашей. Тут так тепло, что хочется взять одеяло и просто уснуть на кушетке.

– Показывай результаты. Садись.

Протягиваю, осторожно опускаюсь на стул видя как Олег внимательно изучает эти бумажки. Анализы крови, результаты УЗИ сердца, ЭКГ, заключения смежных врачей, которых мы прошли с Сашей.

– Ну что там?

– Сейчас.

Берет телефон, набирает кому-то.

– Алло, Герман Маркович, сейчас пришлю результаты пациента. Ребенок, четыре года. Посмотрите еще и вы, если это то, о чем я думаю. Я напишу по имейлу сейчас все.

Дорогие читатели, если книга нравится, прошу поддержать ее лайком.

Подписывайтесь на меня, чтобы не пропускать новинки*

Глава 7

Олег сводит брови, что-то быстро печатает, фотографирует, отправляет, тогда как я уже боюсь даже пошевелиться.

Что там такое... Саша эти дни была как живчик маленький. Ей так скучно в палате, она так просится домой, потому уверена, с ней все в порядке. Олег сейчас специально наводит панику чтобы я уже тряслась от переживаний.

– Да что там такое, Олег? То есть, Олег Евгеньевич. Вы можете сказать?

Переламывая саму себя перехожу на “вы”. Пусть лучше так официально и по-деловому. Он все же врач моего ребенка, пусть мой бывший муж, это ничего не меняет. Сам сказал “мы врач-пациент”. Ничего кроме.

Олегу кто-то звонит, он отвечает, отходит к окну, басит что-то, смотря на анализы Саши, а после опускается в кресло, сканируя меня потемневшим взглядом.

– Результаты диагностики говорят о том, что у твоей дочери врожденный порок сердца.

– Что? Нет, не может быть.

– Смотри – берет белый лист бумаги, ручку, быстро чертит линии – Вот ее сердце, правый, а это левый желудочек. Вот этот клапан плохо работает. Он сильно деформирован, неправильно развит. У ребенка из-за этого системно нарушается кровообращение. Это врожденная патология.

– Нет... Саша здоровая. Она родилась здоровым ребенком!

Не чувствую сердца, не чувствую рук. Что он говорит такое, просто меня пугает.

– Вы не делали диагностику изначально. Обычно такая патология проявляется у детей до года, но иногда редко у детей постарше. У вас как раз такой случай. У ее отца были болезни сердца?

Делаю глубокий вдох, даже сейчас Холодов давит на больное.

– Не было и вообще, это наше дело! Так все, выпиши таблетки и мы пойдем. Больше ты нас не увидишь.

Подрываюсь, а Олег сканирует меня серьезным колючим взглядом.

– Таблетки тут не помогут. Твоему ребенку нужна операция на сердце. Мы делаем такие.

– Что? С ума сошел? Операция на сердце? Нет, я не разрешаю.

– Это твое решение, я просто констатирую факт, но ты должна знать о рисках.

– Каких рисках? Олег, Саша здоровая девочка!

– Она уже начала терять сознание. Дальше это будет случаться все чаще. Она будет постоянно уставшая и апатичная, ее сердце не будет справляться со своими функциями, а растущий организм не будет выдерживать такую нагрузку.

– Я не буду давать ей нагрузку.

– Ты не поняла, Яна. Девочка может просто идти по улице или наклониться чтобы завязать шнурки. Вот о такой нагрузке речь.

– Есть хорошие прогнозы, скажи мне Олег, есть?!

– Без операции нет. Яна, если не сделать коррекцию, дети с подобной патологией доживают до подросткового возраста только в десяти процентах случаев.

Чеканит строго и это самое страшное, что я слышала в своей жизни.

– А что случается с остальными детьми?

Спрашиваю, вытирая слезы. Олег же сидит спокойный, будто это так легко вынести приговор, хотя это его работа.

– Инфаркт миокарда. Делать ли операцию решать тебе.

– Сколько стоит эта операция?

Холодов берет ручку и пишет, долго вырисовывая нолики.

– Вот столько.

Протягивает мне листочек и я замираю. Даже если я душу дьяволу продам, у меня не найдется такой суммы.

– У меня нет... нет столько денег, Олег.

Мне страшно, сейчас я понимаю, насколько уязвима и что хуже – мне некому помочь.

– Почему так категорично, Яна? Иди у мужа своего попроси, у отца Александры. Она ведь не от святого духа на свет появилась?

Усмехается, а мне хочется ему все лицо расцарапать. Дьявол, как же я его ненавижу, он даже сейчас смеется надо мной!

– Это твоя родная дочь, Олег. Саша твоя! Твой ребенок!

– Я бесплоден, а ты плохая актриса – чеканит холодно, отбрасывая ручку, злиться. – Есть еще варианты?

Холодов складывает крепкие руки на груди, а я не знаю что ответить. Я просто...

– Сколько у меня времени? Как срочно нужна операция?

– Чем раньше тем лучше. Месяц, может два, максимум. Дальше начнутся необратимые процессы. Они уже есть, но их еще можно хирургически скорректировать.

– Я не смогу найти столько денег, кредит мне никто не даст! Я не знаю, какие-то фонды, помощь деткам. Есть же что-то?!

– Фонд есть у нас при клинике, но там очередь для финансирования. На год вперед уже все расписано. Детей с патологиями много, каждый хочет получить шанс на жизнь хотя признаюсь, что операция не дает сто процентов гарантии. Всегда есть риски осложнений.

Олег говорит спокойно, а у меня перед глазами эти нули, месяц на операцию и десять процентов выживаемости для Саши. Десять! Боже.

– На. Выпей.

Протягивает мне стакан с водой, а я стучу по нему зубами, смотря на Олега во все глаза.

– Что мне делать?

Холодов смотрит на меня несколько долгих секунд, а после чуть наклоняет голову, словно ощупывая цепким взглядом.

– Я сделаю твоей дочери операцию за свой счет.

– Ты серьезно? Стой... Это же не просто так.

– Конечно не просто.

– Чего ты хочешь, Олег? Скажи прямо!

На миг появляется кусочек света, который тут же заполняется чернотой.

– Тебя. В своей постели. Я прооперирую твою дочь, если ты станешь моей любовницей, Яна.

Глава 8

Я думала, что Олег уже мне сделал больно и хуже быть не может, но я ошиблась. От его слов на миг все плывет перед глазами, я вскакиваю со стула, все внутри сжимается и это не негодование, нет. Это что-то намного более страшное.

– Как ты можешь, Олег? Это достойно врача, по-твоему?

Холодов скрещивает крупные руки на груди, едва заметно ведет плечом.

– Тебе решать. Я помощь предложил. Ну что ты смотришь? У тебя ведь нет денег, Яна.

– Помощь?! Ты издеваешься или ты всем мамам больных детей такое предлагаешь? Да ты... ты просто...

– Успокойся! – гаркнул так, что сердце зашло в груди. – Истерики твои тут никого не волнуют. Не нравится мое предложение, иди у отца своего ребенка денег проси.

– У Саши нет отца!

– Что и требовалось доказать. Столько разных версий, ты сама никак не определишься, где твоя правда. Думай, Яна. У меня операция.

– Да чтоб ты сгорел, Холодов! Нечего думать мне. Я лучше под поезд лягу, чем под тебя!

Выпаливаю, резко разворачиваюсь и выбегаю из его кабинета, проносясь мимо опешевшей секретарши.

Вытираю слезы, чтобы Саша не видела. Гнев просто переполняет. Мало того, что дочь не признал, так еще и такие условия ставит. Нет у Сашеньки отца, лучше пусть никого не будет, чем такой как Холодов.

А может и не нужна дочке никакая операция, кто его знает. Может Олег специально, чтобы сделать мне больно, показать где он, а где я.

– Собирайся, Сашуль. Идем.

– Я уже здорова?

– Обследование закончилось.

Наспех ее вещи собираю. Холодов даже таблеток не удосужился выписать, а значит нет там ничего серьезного. Он только пугает меня. Как же я его ненавижу, боже этот мужчина сломал мне жизнь, еще и потешается этим.

– Вы куда? Что случилось?

Спрашивает одна из мамочек, а я ответить даже не могу толком. Колотит всю и перед глазами его презрительная усмешка. Смотрит на меня как на шваль какую-то. Сволочь.

– Мы сдали все анализы и нам пора домой.

На последние копейки заказываю такси, чтобы довезти Сашу на машине. Через час мы уже дома и можно сказать что сбежали из больницы.

Квартира съемная, небольшая, но теплая. У Саши тут своя маленькая комнатка есть, большего нам не надо и помощи от него нам тоже не надо.

Предложение Олега больно кольнуло. Мы ведь были мужем и женой когда-то, пусть и недолго. Как он может, как... Неужели совсем не любил или тогда ему так сильно мозг промыли, что теперь иначе как шлюху Олег меня не воспринимает?

Так пусть тогда к мамочке своей идет, сыночек ненаглядный, а мы с Сашей и так справимся, не нужен нам никто.

И только когда дочь засыпает я ложусь в холодную постель и обхватываю себя руками. Неужели мне двадцать четыре? Всего или уже двадцать четыре? Боже, я не чувствую себя женщиной, я вообще порой не чувствую ничего кроме “надо”.

Надо на работу, надо Сашу покормить, надо ее из садика забрать, надо по счетам платить и за квартиру. Надо, надо, надо!

А когда же будет “хочу”? Когда я смогу позволить себе то что хочу, когда я смогу почувствовать то что хочу или хотя бы заслуживаю?

Я не чувствую себя молодой женщиной, какая-то старуха, нервная и дерганная, я не помню, когда в последний раз испытывала оргазм.

С ним. С Холодовым получалось, а самой никак. Один раз даже ревела в ванной. Саше было два года, а я аж дрожала, затыкая себе рот ладонями, чтобы не выть в голос. Не могу сама я, ничего не получается.

С ним одним только раскрепощалась, мне было хорошо, были оргазмы у меня с Олегом, а сама как деревянная, сама себя стесняюсь, а после родов и подавно забыла обо всем.

Почему-то мутило от одной только мысли, что кто-то чужой ко мне прикоснется, кто-то кроме мужа, мужа, который смотрит на меня как на шлюху.

Так и засыпаю в слезах, а утром Саша меня будит. Прыгает по постели как маленький мячик. Все же лучше дома ей, а не по больницам шататься, там одни только стрессы. Даже не представляю как Холодов вообще выдерживает такую работу, хотя почему я вообще думаю о нем. Пусть вон жену свою в постель приглашает, а не меня.

– Мам, я подумала и решила, что хочу папу увидеть.

Невинно хлопая глазками щебечет моя птичка.

– Мы это обсуждали уже. Папа далеко.

Последнее время Саша все чаще про отца спрашивает и чем взрослее становится, тем сложнее мне выдумывать для нее очередную историю.

То ее папа был летчиком, то супер звездой, то путешественником. Все что угодно уже ей говорила, лишь бы не правду. Лишь бы не сказать, что папа ее драгоценный маму когда-то взащей прогнал без рубля в кармане, а теперь что творит... думать даже не стану.

– Ну мам! У Даши есть папа. И у Вадика тоже. А мой где?

– Я не знаю.

– Знаешь, скажи!

– Он позвонит тебе, одевайся, доченька.

– У тебя есть его номер?

Саша тут же оживает, а я жутко просто жалею, что ляпнула не подумав. Кто ей звонить-то будет? У меня нет мужчин знакомых. Мы только с ней вместе, да и не хочу я ее расстраивать. Даже не думала, что Саша так сильно заикнуться на этой теме, обычно она ни к кому не тянется кроме меня.

– Есть. Давай потом это обсудим. Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо.

Улыбается моя малышка и ее глазки загораются. У меня же от сердца отлегает. Ничего там нет страшного и никакая операция дочери не нужна. Как я вообще могла его слушать, Олег меня пугал, он просто издевался надо мной.

Пол дня Саша в садике проводит, а я пытаюсь хоть как-то отработать и вечером ее забирать. Тащу ее небольшой рюкзак, Саша рядом идет, сжимая мою руку.

– Я хочу покататься на качелях, мам. Можно?

– Да. Только осторожно.

Почему-то одергиваю себя, помня о ее нагрузках, о которых предупреждал Олег.

Саша улыбается мне и бежит к ближайшей качели, вот только она не добегают до нее. Всего каких то три шага и моя девочка останавливается, а после медленно оседает на колени, вызывая у меня адский холод внутри.

Глава 9

Скорая приезжает через десять минут, пока я сижу на лавочке с бледной как мел Сашей. Она руками меня обхватывает, а я едва не вою от страха. Моя доченька, моя маленькая радость.

Саша едва говорит сейчас, на груди у меня сжалась в комочек и я не знаю что с ней. Она рухнула, словно ее подкосило. Так резко, стоило ей начать бежать.

Нас привозят в тот самый кардиологический центр, с которого я сбежала три дня назад. Я сделала ошибку, не надо было так резко срываться и что теперь будет, мне даже представить страшно.

На улице уже темно и как назло сегодня дежурит Холодов. Мы даже не здороваемся. Он коротко переговаривается с доставившими нас сюда врачами, быстро осматривает Сашу и ее отвозят на исследования.

Куда потом бывший девается я не знаю. Сажу и жду кусая кулаки и только спустя полчаса выходит какой-то другой врач.

– Что происходит?

– У ребенка порок сердца. Вы знаете?

– Да.

– Почему вы тогда не лечитесь? Или у вас много дочерей? Тут операция нужна, это не игрушки. В следующий раз уже некого будет спасать.

Сухо процедил этот врач и ушел к другому больному. Я же украдкой вытираю слезы. Я знаю, что Холодов уже у себя в кабинете. Есть ли у меня выбор теперь? Нет. Есть ли гордость? Да, она пищит где-то сзади, вот только белые губы Саши и ее дрожащее тело в моих руках отодвигают все это на десятый план.

Секретарши вечером нет, я спокойно дохожу до самого кабинета Олега. Стучусь. Он отвечает сразу же.

– Да.

Задерживаю дыхание и нажимаю на ручку двери. Снова его холодный пронзительный взгляд синих глаз. Ждал ли Олег меня? Я не знаю, я уже ничего не понимаю.

– Я тебя не звал.

– Я сама пришла.

– Состояние Александры удалось стабилизировать. Свободна.

Даже не смотрит на меня. Вижу как плескает себе коньяк в стакан, Олег чувствует себя здесь как дома, хотя да, это же его клиника.

– Долго молчать будешь? Что тебе надо, Яна?

– Саше стало хуже из-за меня. Ты знал, что так будет? Просто скажи.

– Я тебе уже сказал про риски. Что ты еще хочешь услышать еще от меня, ты же у нас врач, как я вижу. Тебе виднее, как твоему ребенку будет лучше.

Злорадствует, ну конечно, этот дьявол в белом халате теперь празднует победу за то что я послушалась его и забрала ребенка из больницы.

– Помоги, Олег. Пожалуйста. Спаси нашу дочь! У меня нет таких денег на операцию. Честно, нет.

– Это не моя дочь. Почему я должен спасать твоего нагулянного ребенка? Я похож на мать Терезу?

Он пьян. Я вижу как его взгляд потемнел и машинально делаю шаг назад, когда Холодов поднимается и вплотную подходит ко мне. Еще миг и он вжимает меня в дверь своего кабинета. Я же теряюсь, отворачиваюсь но он не дает, ловит мое лицо большой рукой, невольно улавливаю запах его парфюма.

– Ты прав. Ты не должен. Ты не ее отец.

Держусь из последних сил, он не увидит моих слез. Холодов наклоняется ко мне, еще миг и его ладонь накрывает мою грудь, с силой сжимает, а меня как будто током стреляют. Нет пути обратно, так надо, пусть я себя и возненавижу за это, а его прокляну.

– Скучала по мне?

Шепчет. Его теплое дыхание опалает шею, а меня аж ведет от его запаха. Ничуть не изменился, только сильно возмуждал. Если раньше Олег был начинающим хирургом, то теперь он маститый врач, главный тут, а я... я всего лишь мама девочки, которую он не признал.

– Нет. Ничуть.

Вру нам обоим и на его лице расцветает короткая усмешка.

– А если проверю?

Его ладонь опускается ниже и забирается под мою юбку, касается внутренней поверхности бедра. На его руке красуется обручальное кольцо и я не выдерживаю.

– Не трогай меня, сволочь!

Скидываю с себя его руку, свожу бедра вместе, шиплю змеей, но это не действует. Олег зажал меня как птичку, он крупный и тут нет никакой медицинской этики, здесь ею и не пахнет.

– Раньше таких слов не знала, Яна. Нежной была, хрупкой, ранимой. Куда ты дела ту девочку, ведьма? Где она?

Стоит под твоим забором без гроша в кармане, думается мне, но я лишь сверлю его взглядом.

– Я от жизни такой стала! Сделай моей дочери операцию, сделай все что надо, черт бы тебя побрал!

– А взамен что? Ты подумала над моим предложением?

Хрипло шепчет, а сам снова ловко мне под юбку забирается, накрывает промежность через трусики, поглаживает большим пальцем чувствительный бугорок.

Почему-то начинаю дрожать. Олег не мой муж уже, слишком много времени прошло. Он чужой мужчина, он теперь чужой муж.

– Да.

На выдохе, дыхание почему-то сбивается, когда он так близко. Соски становятся каменными и неприятно трутся об чашечку. В животе тянет, хочу отойти от него, убежать, скрыться.

– И какой же твой ответ?

Все также нежно поглаживает меня по промежности, с ловкостью хирурга находит мое самое чувствительное место, хотя он и так хирург. Олег ускоряет движения, ласкает мою промежность, заставляя меня подняться на носочки и жалобно заскулить:

– Я согласна! Делай со мной что хочешь, но Саше помоги!

Да, я буду себя проклинать за это, я упала ниже плинтуса, да вот только жизнь дочери мне дороже собственной гордости. Все что скажет, сделаю ради Саши.

– Раздевайся.

Отходит от меня, а я вижу как у Олега из синих штанов медицинского костюма огромный бугор выбирает.

Во рту пересыхает, сердце ускоряет ритм.

– Ты сошел с ума? Здесь? Сейчас?!

Холодов подходит, достает ключи и закрывает нас изнутри кабинета.

– Сейчас. Снимай одежду, Яна. Встань на колени. Я хочу увидеть, как ты меня умоляешь.

Глава 10

– Я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.